

ЗаїрД

ДАРЬЯ ФЭЙР

АСУНЯ

ИГРЫ БОГОВ НЕЛИТА

Дарья Фэйр Асуня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68472497

SelfPub; 2022

Аннотация

Быть брошенным, безусловно, больно. Отвернувшиеся друзья, неудачи с девушкой – всё это ранит душу. Но когда тебя бросает самогон – вот что поистине страшно! Проклятье, с которым пришлось столкнуться простому деревенскому парню, сломало всю его жизнь, и теперь Асуне предстоит отправиться в путешествие, чтобы снять его или погибнуть. Ведь как жить, когда не можешь пить? Небольшой рассказик с юмором и суровыми мужскими слезами. Действие происходит во вселенной Нелита, по которой пишется цикл «Скоротать вечность».

Содержание

Дверь	4
Дед	10
Дорога	15
Друг	19
Дуб	23
Доблесть	33
Дурак	39
Добро	49
Домой	52

Дарья Фэйр

Асуня

Дверь

Асуня смотрел на дверь. Уже почти неделя, как он бросил пить. Даже не бросил! Это «пить» само бросило его! Уж кто бы подумал, что на солнышке так припечёт, что с тех пор ни капли в рот, ни пальца закуси в брюхо.

– Чаво страдаишь-то? – подала голос Асунина бабка Ида-
лья. – Толку с тебя того, шо нету ничего! Так хотя б у город
сходил, што ли, штоб работы сыскать-то? Как сидел пень-
пнём, так и сидишь! Тьху!

Асуня потупился и вперился взглядом в сцепленные зам-
ком руки на чуть грязноватой льняной рубахе.

– Так этыть... – неуверенно начал он, – баб Ид, как мне
им на глаза-то показаться? Они ж меня с тех пор метелють,
как я на танцах, этоготь... Ну, того самого!

– Та пушай хоть посмотрючь на тебя! Хоть на народича
похож стал, а так скотина скотиной был!

Бабка подошла к парню и с улыбкой провела большими
пальцами по пухловатым скулам:

– Щёчки-то какие таперь, глянь-ка! Глазки светлыя, ру-
мянец здоровый-то! Как есть – жаних!

– Та какой жених! – выкрутился Асуня и пересел на другую сторону лавки подальше от собеседницы. – Меня ж вся деревня на смех подняла, когда меня рвать-то с пива начало! Та даже не с самогону-то, а с пива простого! Шагу теперь не ступишь без их «гы-гы»! Што ж я за мужик-то, коли даже пива выпить не могу?!

– Красавец! – уверенно заявила бабка Идалья. – Да за тебя такого любя девка таперь пойдёт! Ну чаво? Рукастай, сильнай, красивый – в деда весь! И щёчки, и плечи, и брюшко даже как у него – покатоое, не как энти все отощавшие, смотреть тошно! А таперича ещё и не пьёшь! В нашей-то деревне непьющих, разве что, дед Гляв! Так тот уж помирать скоро собрался – силушек поднять стакан-то нету уж.

– Ну дык про то ж я и толкую! – упрямо заявил Асуня, уворачиваясь от бабки, которая прилаживала к нему шнурок, снимая мерки на новую рубаху. – Все пьют, а я один таперича как энтот...

– Хто?

– Да хворый какой-то! Мне Жорвель ещё в двенадцать годков говорил, что мужику...

– Та плюнь ты на того Жорвеля! – осерчала бабка. – Он сам ужо дальше кружки и не видит-то! А ты таперича у нас нарасхват будешь! Ах, жаних-то какой! Бабы-то ой как не любять, когда муж пьяный под стогом валяется, а ты...

Но Асуня уже не слушал. Махнул рукой и вновь вперился в сцепленные на коленях пальцы.

За окном полдень уже часа два как миновал и начал катить солнце к западу. Скоро, как сумерки упадут, к бабке явятся ученицы, что прясть с ней каждую пятницу устраивались. Притащат хлеб, соленья, пироги да каши. Идалья-то и радуется, горя не знает, а ему – Асуне – опять сидеть в углу и смотреть, как Улька пальчиками ловко пряжу ведёт. Да только раньше-то он самогону «хлоп» – и улыбался ей, даже бороды редкой не стеснялся, усы подкручивал. И пусть, что отворачивалась – робкая девка-то. А теперь ему духу не хватит даже ухо в её сторону повернуть, чтобы как поёт, послушать.

Асуня смотрел на дверь. Быть этой пятнице самой ужасной за всю его жизнь. Ведь коли выйдет – не миновать насмешек дружков бывших, которые давеча братались с ним, покуда хмель не сваливал под лавку, а теперь потешаются, бабой зовут, в брюхо пальцами тычут да дразнят, что на сносках уж, раз дурнеет ему со всего мужского. Но ежели остаться – гореть ему со стыда перед Улькой. Хоть садись да пряжу с ними тyani!

Нет, нельзя оставаться! Уж предательство он переживёт как-то, а вот взгляд девичий жалостливый да укоризненный не вынесет. Может, и к лучшему... А если драка будет, так, может, хоть убьют его, да и дело с концом? Бабке Идалье меньше мороки – рубахи ему шить, кашеварить на двоих... Права она, нет от него толку.

– Што, собрался-таки? – в уголках глаз бабки побежали

гусиными лапками лучики морщин.

– Собрался, – понуро кивнул он, вставая.

– К ужину-то ждать? Али завтра ужо?

Асуня вздохнул, сжал ручку пальцами и, прежде чем решительно отворить дверь, ответил:

– Не жди.

SairD

Дед

Дурацкое солнце так и не село за пригорок. Асуня вскинул руку и поморщился. После сумрака избы снаружи всё сияло особенно отвратительно. И простирающиеся докуда хватает глазу покрытые житом поля, и рощица справа, и обвешенный плодами яблоневого сад слева. Две соседние хаты, что также на отшибе вковырялись в жирную землю, будто дразнили зрение соломенными крышами, делая солнечные лучи ещё ярче.

Асуня поморщился и переступил через развалившегося на пороге кота. Бабка ещё что-то говорила за спиной, да он не слушал. Огляделся, радуясь, что остальные народичи пока в полях, и заспешил прочь через двор к раскорчёванной колёсами телег дороге. У самого плетня по привычке дёрнулся, уже набрал в грудь воздуха побольше, чтобы рявкнуть, но с разочарованием замер, видя, что шавка вылезла из будки и остервенело лупит себя хвостом по бокам, заглядывая хозяйину в лицо и приподнимая нос, чтобы были видны передние маленькие зубки.

– У-у-у-у-у, ты! Гадина! – с отчаянием бессильно опустил руку Асуня. Потом развернулся к собаке всем корпусом, чуть наклонился и сипловато, но громко гавкнул.

Сука опешила, но и теперь лаять не стала и аж задницей завияляла – так хвостом размахивала.

– И ты меня теперь не боишься? – сник Асуня. Плечи опустились, руки повисли вдоль тела, нижняя губа сама собой жалостливо оттопырилась. Даже покатое брюхо, казалось, утратило всю приятную упругость и превратилось в бабы рыхлые послеродовые бока.

Он ещё раз с отчаянием всплеснул рукой, отмахнулся от псины и вышел за калитку, чтобы направиться в центр села на сборный двор, где обычно можно было найти сидевшего в теньке Ухлуя, приторговывающего самогонкой. И уже видя крону дуба, что рос аккурат за домом старосты, вспомнил, что туда ему путь заказан теперь.

– Ах ты ж солнце проклятое! – выругался Асуня, вцепился пальцами в волосы и притопнул ногой со злости.

Протёртый ботинок треснул и показался грязноватый большой палец. Выглянул ногтем сквозь дыру в старом чепраке и стыдливо спрятался.

– Ах ты ж ботинок проклятый! Да ты полдень проклятый! Да солома клятая, да самогон! Да пиво ваше всё клятое! У-у-у-ух!

И парень сел прямо посреди дороги и банально заплакал. Дразнят бабою, вот и будет теперь и рыдать как баба, раз проклятое пиво даже ему не даётся.

– Чаво плачишь-то? – раздался старческий голос рядышком.

Асуня резко вскинулся и заозирался:

– Кто здесь?!

– Та дурень! За плечо себе погляди!

В трёх шагах за плетнём стоял дед Гляв. Сухонькие скрюченные руки цепко держали ивовые прутья, и не понять было, кто на ком виснет: дед на плетне или плетень на деде, так его раскачивало.

Асуня поднялся, отряхнул колени и стыдливо скосил взгляд на Глява. Тот усмехнулся и изрёк:

– Слышол я, как тебя дружки твои этоготь, потешалися. Ты чавой-то, перегрелси?

– Да хто ж его знает, дед?! – удручённо всплеснул руками Асуня. – Уснул под стогом, как обычно, а потом чудь какая-то приснилась, с тех пор даже нюх отбило! Подносят чарку, а мне дурнеет, будто проклял кто!

– Так, может, этыть? И впрямь кто проклял-то? Здоровый мужик, да не пьёт – стыдоба-то какая!

Асуня похолодел. Солнечные лучи прилепили ворот рубахи к взмокшей от ужаса спине.

– Да как есть проклял! – поднял парень руки к лицу, ощупывая редкую бороду. – Дед Гляв, да ты и впрямь истину-то почуял! Точно проклял кто-то! А я-то на зной всё сваливал, а оно вон оно как!

Они оба постояли в молчании. Дед чего-то жевал беззубым ртом, Асуня чесал макушку, мимо шествовал выводок гусей, по дуге обходя молчаливых народичей.

– Так этыть? – поднял вопросительный взгляд Асуня на деда. – Чаво делать-то таперича?

– С проклятьем-то?

– Ну дык а с чем ещё-то?

– Снимать надо.

– Так то и без тебя ясно, дед! – остервенело махнул рукой парень. – Как снимать-то?

– Это к магу надо тебе, – важно заявил Гляв и даже отцепил одну руку от плетня, чтобы палец поднять.

– Та где ж я его сыщу-то? К нам вольных раз в год заглядывает пара, да и всё!

– Так в город иди, – резонно пожал плечами дед, вновь ухватившись за плетень. – Тама их хоть ложкой кушай, в Приюте-то Баталонском.

– Это аж до Баталона шагать?! – совсем растерялся Асуня. – Мне ж до него дня два шагать, не меньше!

– Та ты иди, а там, глядишь, и на тракте вольного какова встретишь. Хтож его знать? Боги всяко пошутить могут.

Асуня вновь почесал макушку, поглядел на дыру в ботинке, на уже поношенную рубаху, на еле сходящиеся на пузе штаны с матерчатым поясом. Да и плюнул:

– Пойду, дед. Коли будет воля богов, так и сниму проклятьем-то, а коли нет – не поминай лихом. Бабке только моей передай, чтоб не грустила сильно, коли не вернусь. Пушай думает, что работы сыскал, да?

Но, когда он поднял взгляд на Глява, увидел, что тот уснул положив голову на скрещенные руки.

– Не свались хоть... – буркнул парень и зашагал дальше

в сторону дороги на тракт.

Дорога

Смеркалось. По небу лениво ползло одно жирное брюхатое облако, и Асуня почему-то был чётко уверен, что к нему оно повернулось седалищем. Есть ли у облаков седалища, парень старался не думать. Да и получалось это чем дальше, тем хуже.

Потасканная рубаха оказалась тонковатой, и сейчас, когда привычного хмеля и в помине не было, Асуня начал осознавать, что вне хаты зябковато будет. Очень прям, можно даже сказать – совсем.

Родные места он прошёл уже давно и сейчас шагал по унылой ровной дороге, которая совсем скоро должна была вывести его на главный тракт Силура. Там хоть камнем умостили большую часть, не так хлопотно будет от луж да колдобин уворачиваться в темноте.

Асуня силился вспомнить, сколько до города идти, но почему-то в голове вставали только воспоминания детства, когда мамка с папкой, ещё жившие с Идальей в одном доме, возили его с сестрой на телеге в Баталон на ярмарку. Вроде как ему годков восемь минуло, когда в последний раз он с ними вот так катался яблоки да тыкву продавать. А дальше на разлад всё пошло, да с каждым годом всё хуже.

Парень поёжился и почесал старый шрам на предплечье. Как его приложили-то тогда, ох! Мамка на батьку опять гун-

досить начала, что де, как баба, мямлит да сдачи местным разгильдяям дать не может, всё разговорами разговаривать силится. А Идалья как взвилась! Думали, убьёт мамку-то. Они ж обе горячие, как угольки из печки, даром, что родня не кровная, а по мужу. Асуня тогда влез между ними, разнять хотел, да вышло не так чтобы очень уж удачно.

Матушка тогда на следующий день заявила, что уезжает обратно в родительский дом. Асуне уже десять было, да всё равно плакал. Дразнили его тогда, что как девчонка расклеился, а ему и не важно-то было. Всё ж таки мама родная.

Сестра тогда с ней уехала, а они с батькой вдвоём остались под Идальиным покровительством. Асуня помнил, как соседи на папку смотрели. Не понимал тогда ещё, но чуял, что не так что-то. Молчали да перешикивались друг с другом, а на Асуню и не глядели вовсе, будто нет его. Бабий сын. Это потом уже, когда батька покумекал да и отправился к жене с концами, оставив Идалью на сына, Асуня смог плечи-то развернуть да гавкать в ответ начать, чтоб запомнили его и за мужика наконец приняли. Тот же Жорвель ему отца, выходит, заменил. Всему мужскому научил: как плетень выдрать, коли мешает, как мешки по четыре штуки на спину взвалить, чтобы по три раза не бегать, как навоз с вил метко в девок швырять, как самогонку пивом запивать да луком занюхивать.

Как баб мять, разве что, научиться не вышло. Теорию-то Асуня понял, да с практикой разлад какой-то получался.

Вроде как и знал, чего делать-то, да к той же Ульке подойти не мог. Да и не хотелось ему так-то это дело решать, а сватов звать боязно – вдруг откажет? Жорвель посмеивался, что бабе крепкая рука нужна, чтоб слушалась, да противно Асуне отчего-то было так с ней.

– Эх, баба и есть баба! – вздохнул он в сгустившихся сумерках. И даже сам не понял про кого он: про Ульку или про себя – обабившегося вконец.

Опять потянуло на слёзы. Идти да хныкать в темноте казалось одновременно глупым, но и приятным. Да пусть и баба! Будет бабой с бородою, да хоть попробует, как оно – когда слёзы катятся, а сдерживать не надо. Идёшь, ревёшь, руками за плечи держишься и только всхлипываешь каждый раз, как ветка в темноте по лицу хлестнёт.

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы! – выл Асуня, поднимая залитые слезами щёки и бороду к небу. – Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы дура-а-а-а-ак я-я-я-я-я! Ба-а-а-аба-а-а я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я! Ы-ы-ы-ы!

Спустя несколько минут Асуня вдруг понял, что как-то ему даже вроде и легче. Неужто, и правда, в бабу превращается, что плакать-то ему не противно? Он всхлипнул ещё пару раз, высморкался в кусты. Потом на всякий случай ещё разок и от души сплюнул, надеясь, что этим хоть немного мужика в себе задержит.

Это што ж получается-то? А вдруг прокляли-то его не просто с пива рыгать, а самую настоящею бабою быть?! Это ж стыд-то какой! Правильно он из дома ушёл, не дай боги,

кто из соседей бы увидел! До конца жизни от позора бы не отмылся!

Асуня в ужасе хлопнул ладонями по рубашке и начал судорожно ощупывать грудь. Так-то она была у него вполне объёмная. По-мужски волосатая, крепкая, в ладонь ложилась, но о пузо не шлёпалась. А сейчас-то как понять? Мужская она ещё али уже бабская растёт?! Но коли бабская, то висеть-то должна? А если она уже бабская, да не как у нормальной, а как у Асетки, что доска? Вдруг он тоже станет Асеткой-доской, и не останется ничего: ни брюха покатога, ни кулаков сбитых, ни ног с полпорога стопой?

– Да што ж это деется?! – в ужасе заорал Асуня, раскорячился, чувствуя, как слабеют колени, ухватился руками за бороду, раскрыл рот и заорал. – А-а-а-а-а народичи-добрыя! А-а-а-а-а!

Выдохнул, похолодел, а потом судорожно зашарил руками по поясу, чуть не разрывая завязки штанов.

В тишине тёмной дороги слышались лишь сбивающееся сиплое дыхание и нарастающие всхлипывания.

– Подсветить? – раздался голос откуда-то спереди, и в воздух взмыл сияющий зеленью волшебный огонёк. – Однако... – протянул незнакомец, глядя на застывшего раскорячившегося Асуню, держащего в руках съёжившееся от холода добро.

Друг

Незнакомец выглядел непривычно. Более того, даже неприлично! Узкие штаны, заправленные в сапоги; совершенно бесстыдно обтягивающая курточка с цветочными узорами и всё кичливого зеленовато-белого цвета; да ещё и холёные бабьи патлы, заплетённые в косы до середины плеча. Если так вырядиться, Жорвель бы с дружками в грязи вывалял сразу же, едва бы тот показался.

Только вот этот народич держался вполне уверенно, будто ни разу битым не был. Это ж откедова он такой тут? С виду хилый, сам на бабу похож, а спину выпрямил, будто староста.

– Ты энто... – высвободил Асуня одну руку и ткнул в сторону бледного в свете огонька безбородго лица. – Ты маг, что ли?

Незнакомец посмотрел на парня, на висящий перед ним светильник, потом вновь на парня, щёлкнул пальцами, погасив свет, и ответил:

– Нет.

Повисла пауза. Асуня молчал, незнакомец не шевелился, в ветвях над головой шумел тихий летний ветерок.

– Штаны-то надень, – раздалось из темноты. – Или ещё потрогать хочешь?

Было бы светло, Асуня бы покраснел, а так скорее заспешил подобрать портки и на ощупь завязал пояс.

– Ты откудова тут взялся-то? – спросил Асуня, когда по-прежнему принадлежащее ему добро было надёжно спрятано в тёплое укрытие портков.

– Да тут как бы тракт-то уже за углом. Иду, слышу – орёт кто-то. Вот, пришёл помочь. Чего орал-то?

– Э-э-эх, – взмахнул рукой Асуня. – Прокляли меня. Иду вот в город, мага искать.

– Угу... – глухо произнёс незнакомец и опять примолк. – Чего, прям прокляли? – спросил он после паузы. – Совсем?

– Совсем... – признался Асуня и горестно вздохнул. – Тебе-то с таким-то видом могёт быть и нестрашно, привычно, да мне вот, мужику, таперича всё едино пропал я.

Уже угадывающийся привыкшими к темноте глазами силуэт незнакомца помотал головой:

– Не понял. Прости уж, говор ваш не очень понимаю.

– Э-хе-хе... – вздохнул Асуня. – Пропал я, толкую. Совсем, от ить. Прокляли меня, в бабу превращаюсь. То пить не мог, сейчас вон, сам слышал – плачу! Позорище-то какое! С дому вот ушёл, коли боги умилоостивятся – найду мага, да сниму проклятье, а коли нет – не вернусь боле. Хуже смерти мне в бабу превратиться! Житья не дадут вовсе.

– Н-да-а-а, беда-а-а, – протянул незнакомец и предложил: – Давай вместе пойдём, что ли? Я сам в Баталон шёл, да на дороге задержался. Тут чуть дальше поляна есть, там заночуем, а утречком как раз свеженькие посветлу доберёмся, как раз к обеду будем.

Асуня задумался. С одной стороны, не в одиночку как-то легче. Да и чего греха таить? Этот-то изузоренный да отощавший сам почти баба, поди, поймёт. Глядишь, и подскажет чего делать-то, ежели проклятье до конца наступит. А с другой, вдруг приключится чего, а они вдвоём такие? Оба расплачутся да причитать начнут, так и задерут их звери дикие.

– Как звать-то тебя? – спросил он у незнакомца, выжидающе глядящего на него.

– Кайлиэль, – ответил он, склонив голову так, что из-под волос выглянуло острое ухо.

– Ты энтот... – опешил Асуня, – эльф, что ли?!

– Отчасти, – ответил собеседник. – На три четверти. Можешь звать Кай, вижу, тебе проще будет.

– Ого... А я Асуня. Чистокровный мужик... Ой, человек, то есть! А светилка у тебя откудова?

– Да так, – Кай неопределённо двинул пальцами. – Друг одолжил.

Они помолчали. В тишине пустынной дороги раздался крик сыча, из-за ползущих туч наконец-то проглянула луна и осветила собравшийся гармошкой лоб Асуни.

– Так енто... – проговорил он и поднял взгляд на оживившееся лицо собеседника. – У тебя друг – маг?!

Кайлиэль вздохнул.

– А чем ты магу платить собрался, м?

Вот тут-то Асуня и опешил окончательно! Про плату-то

он знал, да что за снятие проклятья платить придётся не подумал – так терзаниями занят был.

– Это что же? – в ужасе он поднял ладошки к лицу и хлопнул ими по щекам, как бабка Идалья делать любила, если гуси в корыто с бельём залезали, покуда она отворачивалась. – Это ж что такое-то? Это ж пропал я, получается! От етить-то меня Демоны, да што ж енто деется, боженьки светлая! Быть мне бабою, как день ясен! О-хо-хо!

– О боги, ты что, опять плачешь?! – наморщил нос Кай и приложил костяшку пальца к губам.

– Да што мне уже, проклятому-то?! Да быть мне бабою, титьки мять свои до конца жизни-то, харчи готовить да в переднике ходить, горюшко!

Эльф убрал костяшку от губ и приложил ладонь ко лбу, закрывая глаза и опустив лицо. В тяжёлом вздохе слышалась усталость.

– Ох уж шутники, боги эти... – произнёс он достаточно громко, но Асуня его не слышал – рыдал. – Эй! – окликнул его Кай. – Эй, Суня или как там тебя? Давай, дружище, на поляне доплачешь, я окоченел уже тут с тобой стоять. Там сядешь да пострадаешь от души, а сейчас пошагали.

Асуня всхлипнул ещё пару раз, утёр нос рукавом рубахи, неуверенно улыбнулся и сказал:

– «Дружище»... Добро!

Кивнул и послушно потопал за развернувшимся эльфом.

Дуб

На перекрёсток с трактом они вышли через пару минут, Асуня даже досморкаться после слёз не успел. Светлый камень брусчатки белел, будто озеро в свете луны. Кай подхватил из кустов сумку с поклажей, взвалил на плечо, охнул, но поправил и направился на восток.

– Ты энтого? – спросил его Асуня. – Чаво кряхтишь-то?

– Пустяк, – отмахнулся друг. – Плечо болит сегодня – повредил.

– Так энто... – глуше сказал парень, – давай, что ль, я поташу, чаво разницы-то? Всё одно ж вместе идём, а я такие мешки по три таскал. Ну, когда мужиком-то был. Сейчас уж не ведаю, но один-то подыму, всё ж силушка из рук не ушла вся до конца-то.

Кайлиэль смерил его взглядом, а затем с сомнением, но всё же снял лямку и протянул ношу ему.

– Спасибо, – качнул он косами, а Асуня ухватил ремешок и перекинул себе через плечо, практически не почувствовав веса. – А довольный такой чего? – усмехнулся Кай.

– Так етого! Несу же ж! Гляди, не ушла ещё силушка, подзадержалась. Как думаешь, мож, я сильной бабой буду? Ну как баба Данья с хутора? Она пороса с полменя ростом передвинуть от корыта до загона могла! О кака баба – огонь!

Эльф в который раз вскинул брови, но не ответил, а шёл,

глядя слепым взглядом в центр дороги. Отчего-то Асуня смутился.

– Ты енто... Сам-то, вижу, тоже неказистой, небось, дразнили-то? Ты уж не грусти. Я, хоть и баба, да друзьями не чураюсь это самое, как Жорвель тот. Ты, вон, на помощь пришёл, хотя сам-то с тростиночку. С собой позвал, другом поименовал. Что бабой буду, не глумишься. Я, знаешь, как оно? Я вот не буду, как они-то, не. Я, коли другом назвал, то не предам уж. Так что не этичь, Кай. Не всем-то сильными быть да хоть как та же баба Данья. А так, глядишь, чего и сделаем, коли вместе-то.

Эльф вскинул брови ещё выше, притормозил, оглядываясь на спутника, а затем кивнул и уважительно поджал губы. Асуня чуть расправил плечи и зашагал дальше.

Поляна нашлась в четверти часа ходьбы от перекрёстка. Друзья сошли с тракта, пересекли пролесок по короткой тропе и расположились у кострища на двух стволах, что скамейками для путников служили.

– А энто как ить? – спросил Асуня, когда они набрали хворосту, и эльф принялся поджигать костёр кресалом. – Энто што ж получается-то? До Баталона уж завтра дойдём-то?

– Ну да, – кивнул друг и в очередной раз щёлкнул о кремень кресалом, да так неловко у него получалось, что ни искорки, ещё и выронил всё, что пришлось шарить по земле в поисках. – Тут на коне если, пару часов ехать всего, а ты думал-то?

– А я чаво-то всё считал, что далече... – протянул Асуня, присоединяясь к поискам. – Давай-ка я этыть, мне сподручнее, умею, – и он взял у эльфа найденный кремень и привычно принялся высекать огонь. – Мы, когда дитём я был, на телеге тудыть ездили, всегда по дня два добиралися.

– Так то на телеге, тьхе! – усмехнулся Кай, спокойнее расправив плечи и усаживаясь на бревно. – Видел я, как телеги тащатся, там уж неувидительно. Тут пешком-то идти вразвалочку день всего. Я сам в Гровеле ночевал, думал, уже к вечеру буду на месте, да вот... пошутили боги. Как обычно.

Эльф хмыкнул, а Асуня радостно охнул и принялся раздувать затрепетавший огонёк.

– Во-о-о-о, таперича согреемси скоренько, – довольно заключил он, когда язычки пламени устойчиво затрепетали, обнимая уже сучки потолще.

Кай потрошил сумку, доставая из неё одеяло и мешочек с припасами. Когда он протянул Асуне полкаравая с куском сыра, тот сначала смутился, а потом со вздохом принял.

– А я, энтыть, так ужо в горести-то энто самое, што и не скумекал-то с собой чаво взять. Ты, энтыть, Кай?

– Чего?

– Та коли проклятье-то снимем, в гости заходи, у нас харчей хватает. Бабка Идалья по всей деревне у нас пряха лучшая, ей несуть всего, так что употчем, будь уверен!

Эльф усмехнулся и опустил взгляд на свой ужин.

– А я ж, энто, – начал с набитым ртом Асуня, огляды-

вая шелестящие посверкивающими в свете костра листьями кроны, – в городе-то и не бывал почти. А он тута рядышком! Наши-то ездют, да мне как-то не с руки. То козы, то хозяйство, то, энто... – он помрачнел, – с дружками-то... бывшими... ходил да гулял...

– А ты не думаешь, – аккуратно начал Кайлиэль, – что и к лучшему-то? Ну, я про друзей, с которыми только пить можно было. Говоришь же, что отвернулись от тебя, да? Как пить перестал.

– А дело говоришь... – Асуня задумался так, что из-за оттопыренной щеки даже вывалился кусок хлеба. – Энто ж, и правда, то как и друзья-то, коли ежели не пьёшь и не друзья-то вовсе? Эх, Кай! Хороший ты. Уж спасибо. Кто ещё со мной-то трезвым да бабопроклятым харчи-то разделил?

Друг пожал плечами, подкинул в костерок ветвей и принялся доедать. Прожевав достал из сумки флягу, глотнул и уже было хотел передать Асуне, но в последний момент как-то сморщился и убрал руку с флягой назад.

– Н-да-а-а... – протянул он. Потом почесал щёку, порылся в сумке ещё и выудил кружку.

– Асуня, – окликнул он.

– Чаво?

– А там вон бревно лежит. Вон-вон, у дуба. Притащи-ка его, а то ветки прогорают быстро, а его до утра хватит.

– И то дело, – согласился парень, встал и отправился за добычей. Вздрогнул от звука, будто кто кипятка в костёр ли-

ванул, но, обернувшись, увидел лишь опадающее облачко и по-прежнему яркий огонь.

Когда притащил бревно, увидел что с его стороны у углей стоит кружка с травяным лирэном.

– Откудова? – удивился он, а эльф по-доброму улыбнулся и сказал:

– Так вина тебе нельзя, вот, достал из запасов – пей.

– А воды где взял? – продолжая морщить лоб, спросил Асуня.

– Да была в запасе, не бойся. Тебе хватит, а завтра мимо речки идти будем – наберём.

– Ты чаво же, прям из речки-то и пьёшь? – всплеснул руками Асуня. – Так животом маяться будешь, выдумал ещё-то!

– Кипячёная вода, Асуня, – ответил друг, раздув ноздри. Но потом внезапно чуть откинулся и вздохнул. – Но спасибо за совет, учту. Больше из реки пить не буду.

И улыбнулся. Асуня чуть смущённо дёрнул плечами, почесал нос и взял кружку за ручку через тряпку, что ему передал друг.

– Эх, хорошо! – сказал он, допив горячий чай.

Эльф чуть двинул головой, но лицо выглядело умиротворённым. Они чуть помолчали. О чём думал друг, Асуня не знал, а сам он смотрел на проглядывающее через кроны небо, на пробегающие тучки, в этот раз без седалищ, и мерцающие между ними звёзды. А ведь раньше он на них ежели

и смотрел, то на плетне висия, когда до дому сил добрести не было. А сейчас, как в детстве почти.

– Слушай, Кай!

– М?

– А научи меня косы плести.

– Что? – фыркнул собеседник, но Асуня, глядя в небо, продолжил:

– Та чаво? Я ж, коли баба, то надыть. К нам городские заглядывают бывает, так у мужиков, как у баб, волосья до спины видал! У нас-то в деревне с бабскими волосами только ить бабы ходют, так мне ж таперича тоже знать надо. Как оно это.

Кайлиэль смерил его взглядом, вздохнул и сказал:

– Волосы не от пола длиннеют, а от предпочтения хозяина... – но тут же встряхнулся, в который раз медленно и терпеливо вздохнув, – Рано пока тебе. Косы отрастут – тогда. Не на чем плести ещё.

И он указал Асуне на голову, где в свете костра торчали светлые свалявшиеся лохмы, что не раз за последние сутки были дёрганы да мусолены.

– Дело говоришь, – опустил взгляд Асуня. – Эй, Кай?

– Чего?

– А этыть? Бабою... Мож не так уж и худо-то, а? – Эльф поднял бровь, но не отвечал, ожидая продолжения. – Ну а чево? Сидишь, пряжу ведёшь, мешки таскать не надо, драгаться. Ну пригожесть-то блюсти, косы те же, платья носить. У

нас же чаво? Коли не кинул дальше всех чурбак, то всё – не видать тебе почёту. А бабам и кидать ничё не надуть. Их никто судить-то и не будет за слабость.

– А ты хочешь быть слабым? – склонив голову на бок, спросил эльф.

– Та кто ж хочет-то? – всплеснул руками Асуня. – Та не в том-то дело-то, Кай. Не хочу быть самым сильным, а таким вот быть хочу. Чтобы чурбак-то бросить, да неважно чтобы было, докудова кинул.

– А что тебе мешает сейчас? – деликатно спросил друг.

– Дык засмеют же ж! – опустил взгляд на него парень. – Я, вон, как-то тачку поднял да ветры пусти с натуги, меня с неделю ещё со всех углов энто самое! – и Асуня сжал губы и резко выпустил сквозь них воздух так, что аж слюни полетели.

Кайлиэль отпрянул, будто они через костёр долететь могли, но усмехнулся.

– Вон, – сник Асуня, – и ты смеёшься...

– Не над тобой, – примирительно качнул головой друг. – И не смеюсь, а так... Иногда так мило со стороны кажется, все эти деревенские... – и он поднял руки, как-то неопределённо поводя ими, будто указывая на все деревни мира. – Колорит. Есть такое слово.

– Не слышал, – замотал головой Асуня. – Да и ладно, что не смеёшься, то спасибо.

Они опять помолчали. В воздухе противно зазвенел ко-

мар, эльф поморщился и поднял руку, чтобы щёлкнуть пальцами, но остановился, вновь взглянув на спутника, что сидел, подперев щеку и глядя в огонь, и по-простому прибил комара ладонью.

– А ты сам-то хотел бы бабою быть? – спросил Асуня. – Тебе б сподручнее было. С косами такими. Да и стан у тебя девичий-то, он – отощавший какой, дажить, энто, борода не растёт!

Кайлиэль поднял брови и медленно принял оглядывать обступавшие поляну стволы деревьев. В ровном дыхании, что вырывалось из носа над сжатыми губами, слышалось что-то, что у отца бывало, когда мамка ему на макушку опять приседала с распеканиями.

– Ты энтыть... – понуро сказал Асуня, – не хотел обидеть-то, прости, Кай. Ну что уж сделать, коли такой-то родился? У нас вон, тожить, энтог... Дядь Мерак – тощий, што щепка! Веслом перешибить можна! Дык мёд только у него-то вкусный на всю деревню! С Баталона даж видел, как приезжают к нему-то! А как Жорвель на него полез разок, дык тот улей открыл, ох и бежали мы! Так что ты энтово... ну не серчай, а?

– Да не серчаю я, – примирительно сказал эльф, вновь взглянув на друга. – Ты сам-то хотел бы женщиной родиться? В вашей деревне?

Лоб Асуни в который раз за вечер собрался гармошкой. Затем разгладился, а после собрался опять. К тому време-

ни, как толстое полено в костре переломилось пополам, этот цикл прошёл раз двенадцать, прежде чем Асуня потянул:

– Да вот ить и не знаю-то. Сперва-то думал, что позорище-то, жуть! Да потом покумекал и решил, что неплохо-то бабою быть. Ну энтово, говорил же ж.

Эльф внимательно смотрел на него и не перебивал.

– А таперича подумал, прикинул... Не так-то оно ить и хорошо-то. Бабою-то. Идалья-то старая уже, с неё-то спрос какой? А вона, Улька, дык батька у ней как напьётся, дык дом разносит, што щепки да черепки летять. А ей убирать-то. Да только я б ему по макушке-то, а она молчит и метёт. Добрая она. Красивая... Эх, быть бы мне бабою, как она! Мож, хоть в подружки бы взяла-то. Я б ей тогда мести помогал, чтоб не так тяжко-то. Да и по воду ходил бы, а то коромысло тащит, а сама качается.

Асуня мечтательно вздохнул.

– Давай спать укладываться, – сказал Кай, спустя несколько минут. – Полночь уже миновала давно, а я не люблю на ходу засыпать.

И он принялся раскладывать одеяло на земле. Лёг с краю, под голову взял мешок и указал Асуне на свободную половину. Тот замялся и крикнул:

– А энтыть? Не срамно-то?

– Чего? – ровно и терпеливо спросил Кай.

– Ну... энтыть... Ты ж хоть и с косами, да мужик всё ж таки, а я уж бабою скоро буду-то. Не этыть?

– О боги! – хлопнул себя по лбу ладонью эльф. – Во-первых, сейчас это не имеет значения – мы в походе! Ты себе почки простудить хочешь? А во-вторых, ты меня что мужик, что баба не интересуешь, так что срам ты себе сам выдумал, боги! – он со стоном отёр лицо, потом долго посмотрел на сморщенную в непонимании физиономию Асуни и предложил: – В штанах пошуруди, а? На месте если всё, то и ложись.

Асуня послушно сунул руку в портки и облегчённо выдохнул.

– На месте пока! – и улёгся на одеяло с довольной улыбкой.

Ещё успел поглядеть на звёзды, радуясь красивым мерцающим огонькам, а уже через минуту поляну оглашал раскатистый мужицкий храп. Кай лишь перевернулся ну другой бок и положил клапан мешка себе на ухо.

Доблесть

Асуня спал так крепко, что его не разбудил даже собственный храп, заставлявший соседа ворочаться почти до самого рассвета, когда он забылся тревожным сном. Но всё же, когда начало отчётливо светать, Асуня достаточно громко пустил ветры, из-за чего с вскриком проснулся. Первым делом хлопнул ладошкой по штанам в области паха, ойкнул и продрал глаза.

Сначала ему показалось, что эльф рядом храпит почти так же, как бабка Идалья, но потом понял, что звук раздаётся с противоположной стороны от костра. В сумерках было не понять, что там творится, но Асуня всё же увидел горбатую мохнатую спину, которая то вздрагивала, то прогибалась к земле.

– Штой-то... – пробормотал Асуня, но тут же подскочил на ноги. – Батюшки! Га-а-а-а-а!!!

Рядом резко сел Кай и с остервенением выругался.

Медведь напротив поднял лобастую голову, подёргал носом, а потом разинул пасть и заревел.

– Алетушка, поможи! – пролепетал Асуня, раскинул руки и опять заорал: – А-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Бежать было некуда, костёр почти прогорел, расстояние между зверем и одеялом – шагов пять всего. Медведь, хоть и был молод и не так велик, какие дальше на север встреча-

лись, но оказался зол и выглядел очень устрашающе. Асуня понял, что они погибли! Как не вовремя-то он бабой становиться начал-то!

– А-а-а-а-а!!! – продолжал он, стоя на месте и раскинув руки.

Эльф стоял на одеяле, опёршись одним коленом, руки подняты, будто он два ведра нёс и выронил, но в отличие от Асуни, он не кричал, а неотрывно смотрел на гостя.

Случись такое неделю назад, Асуня бы даже и не заметил бы – запах перегара отгонял всю живность в округе, начиная от волков, заканчивая комарами, да и плевать-то по пьянке-то было на угрозу всякую. Но сейчас парень перетрухал знатно и даже начал неосознанно пятиться, но зацепив краем глаза застывшего на одеяле друга, внутри него что-то дрогнуло. Оба же бабы почти. Что он сам под проклятьем-то, что зльф рядом.

«Ох, негоже это!» – подумалось Асуне, да сказать не мог, потому что продолжал орать, прерываясь лишь на пару мгновений, чтобы с хлюпаньем втянуть воздух.

И, приняв волевое решение, он заставил ноги шагать не назад, а вперёд. Глаза Асуни выпучились, рожа побагровела, раскинутые руки тряслись, а уже сорванный голос продолжал звучать так же громко, но уже ниже.

Медведь, видя такое дело, захлопнул пасть и тоже встал на задние лапы.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а!!! – орал Асуня, надвигаясь.

– Та лишка, – отмахнулся Асуня. – Видал, эх я его, а?! Видал?!

– Видал! – усмехнулся Кай и сказал: – У меня мазь есть с собой, сейчас принесу, погоди.

И отправился к валявшейся рядом с одеялом сумке. Порылся, выудил какой-то пузырёк и вернулся к разглядывающему пятку другу.

– Давай ногу свою, – скомандовал он, открывая пузырёк. На ладонь ляпнулась какая-то пахнущая травами жижа бело-зеленоватого цвета, и эльф принялся намазывать её на рану.

– А-а-ай! – воскликнул Асуня. – Болече!

– Терпи, сейчас пройдёт, – спокойно произнёс Кай, но Асуня опять дрыгнул ногой.

– Дак то мужики-то терплють, а я ж нонече баба! У-у-уй-й-й-й!

– А бабы-то ваши что? – поднял взгляд эльф, а потом сплюнул: – Тьху! Женщины ваши что, не терпят? Сам говорил, что девица та, которая тебе нравится, молчит и метёт, терпит. Так что не от пола это...

Но Асуня его перебил, даже позабыв про ногу:

– Да ничаво и не нравится она мне! Так, бегаить к бабке-то, да и всё. Поёт красиво, и неча больше...

И замолчал, густо побагровев. Кайлиэль не ответил и молча продолжил обрабатывать ожог.

В путь они отправились едва солнце встало. Асуня и по-

раньше хотел бы, да Кай упёрся и ждал, покуда лучики из оранжевых жёлтыми не станут. Сидел, глядел на облака, а Асуня лишь озирался да ногу пробовал.

– Дивная мазька-то, – сказал он, когда они прошагали несколько минут. – Думал-то, што хромать начну, да всё ж-то и прошло уже!

Эльф довольно улыбнулся чуть пожав плечами. Асуня поправил сумку, которая со вчера будто даже легче стала и спросил:

– Плечо-то твоё как ить? Полегше хоть?

– Да, благодарю, – ответил Кай.

– А энтыть, где ты его так это?

Эльф поморщился и нехотя ответил:

– Вчера днём наткнулся на шайку... – и тут же осёкся, глядя на любопытное лицо друга. – Кто-то разбойников на дороге порешил, народичей пять было бандитов. Неплохой бой вышел.

– А ты-то как товошь? – кивнул Асуня на плечо друга.

– Я... – протянул эльф, глядя в небо и наморщив нос. – Убегал я, вот. Далеко прям. Заблудился, споткнулся, вывихнул.

– Аж таки вывихнул? – ужаснулся Асуня и хлопнул ладошками по щекам. – Дак то ж к лекарю надо, али к магу-то! Терпите он, ах ты ж боженьки светлая! Да вывих-то, оно это самое, не то што ушибся просто, а...

Кай поднял ладонь, призывая к спокойствию:

– Не стоит, всё хорошо. Я сам себе вправил, уже всё в порядке.

– Сам?! – руки на щеках парня сжали лицо так, что губы встали ватрушкой. – Это ж как ты сам-то смог-то?! Этыж вывих! да ты, Кай, мужичище-то похлеще меня-то будешь! – тут он чуть сник, вспоминая свою тяжёлую участь, но всё же добавил: – А я-то, даж коли мужиком был когда, не смог бы... Разве что, напиться вусмерть, тады да, а так...

И он уважительно похлопал эльфа по плечу и тут же отдёрнул руку, услышав, как тот зашипел.

– От ведь, горюшко... – Да ничаво, до Баталона дойдём, там чаво-нибудь скумекаем, да?

– Скумекаем, – кивнул друг и опять досадливо сплюнул. – Придумаем. Что-нибудь придумаем.

Дурак

День напивался зноем, деревья да травы по обочинам стрекотали сотнями кузнечиков, жужжали пчёлами, мухами да осами, кричали птицами и шумели ветром. Одурающий запах зелени и цветов пытался по лбу сшибить с ног бредущих по широкому тракту народичей, но те оказались стойкими благодаря поддерживающему свету утра, пригревающего носы и грудь в раскрытых воротах рубах.

Узкая речка змеилась по полю справа, густые леса маячили проблесками косых солнечных лучей слева, над головой разверзалась бесконечная голубизна неба, кое-где заляпанная пенными обрывками облаков, как небрежно протёртый после пролитого пива стол.

– Я вот знаешь, что думаю? – сказал Кайлиэль спустя час ходу.

– Чаво?

– А с чего в принципе ты решил, что тебя прокляли?

– Ну так этыть! – вскинул руки Асуня и даже захлебнулся воздухом, поэтому не смог продолжить сразу. – Этово же! А как не прокляли-то? Лежу ж себе, никаво не трогаю, а потом чудь какая-то перед глазами мелькнула, меня и сморило. А потом проснулся, да и всё. С тех пор ни капли даж понюхать не могу!

– Это-то понятно, – терпеливо сказал эльф и осторожно

продолжил: – Но почему ты решил, что тебя прокляли на... М-м-м, быть бабой, как ты выражаешься.

– Дак как же ж? – удивился парень. – Дак ведь коли не пью и плачу, кто я, как не баба-то?

– А что, у вас ни одна баба не пьёт? – приподнял бровь спутник. – Или даже не так. У вас что, прямо все мужики в деревне пьют, и ни разу никто не плакал?

Асуня задумался. Потный лоб собрался гармошкой по уже прочерченным за последний день морщинкам.

– Дак как-то оно это... – протянул Асуня. – С мужиков-то батька мой не пил, да дед Гляв. Хотя батька-то иногда приходил-то на рогах, да боле по праздникам. На гуляньях редко когда больше чарки подымал. Мне Жорвель-то и втолковывал, что мужику не пить – стыдобища.

– Угу, – поджимая губы, кивнул Кай, молча ожидая, когда друг справится с мыслетечением сам и сообразит.

– Ток Жорвель-то энтыть... Выходит, слушать-то его и не этого, да? Что не друг он мне больше.

– А ты только друзей слушаешь?

– Ну дык, а како же? А каво ж ещѐ-то?

– Ну-у-у-у, к примеру, здравый смысл... – медленно и осторожно произнёс эльф, но тут же, бросив взгляд на собеседника, пояснил: – Если народич тебе друг, это ведь не значит, что он прав.

– Дак друзей-то обманывать, да негоже ж энто! – возмущённо развёл руками Асуня.

– Я не про это, – отмахнулся Кай. – Я про то, что если вот тот же Жорвель, к примеру, скажет, что Улька дура и петь не умеет, ты поверишь?

– Так таперича нет! – замотал головой парень, и эльф, застонав, отмахнулся:

– Ну ладно, я! Я вот, допустим, скажу тебе, что Улька петь не умеет, ты поверишь?

– Дак ты ж не слышал! – совсем растерянно воскликнул Асуня и встал посреди дороги, раскинув руки.

Кайлиэль тоже остановился и устало потёр переносицу.

– Ну давай представим, что слышал. Вот представь, что мы сидим у вас, вечер, пряжу тянут девицы ваши, Улька поёт... – эльф примолк, глядя на расплывшееся лицо друга и слепой мечтательный взгляд. Чуть постоял, топая носком сапога по земле, вздохнул и пощёлкал пальцами: – Асуня? Эй!

– Чаво? – улыбаясь, отозвался тот.

– Мы говорили. Напоминаю просто.

– Ага! – бодро сказал он и, поправив лямку сумки, возобновил бодрый шаг, даже грудь выпятил.

– Так вот, – продолжил следовавший за другом Кай, – допустим, мы оба посидели, послушали, а после я тебе и говорю: «Улька твоя – дура и петь не умеет» – ты мне что, по...

Он еле успел увернуться от пролетевшего над головой тумака. Впрочем, Асуня повторять попытку не стал, а вновь наморщил лоб:

– Ты энтого... Не это мне тут энтыть, да!

Видя, что опасность миновала, эльф выпрямился, пригладил волосы, выбившиеся из косы, и как ни в чём не бывало продолжил:

– Вот видишь? Ты мне не поверил, а сам подумал, правильно?

– Энто ты ж меня что? – расплылся в растерянной улыбке Асуня. – Энто разыграл меня, что ли? Эк хитро-то как ты меня, о-хо-хо!

– Хитро... – бездумно пробормотал Кай и вздохнул, глядя перед собой. Сложил руки за спину, продолжая идти, и принялся втолковывать: – Ну так вот и смотри, Асуня. Я тебе сейчас сказал, а ты не послушал, а стал сам думать, да?

– Ага! – вдохновенно произнёс друг, держась за лямку сумки, и поспешил следом.

– Так вот про это я и говорю. У тебя своя голова на плечах есть, так почему ты решил, что если тебе говорят, что пьют только мужики, а плачут только, простите боги, бабы, то это правда, м?

– Ну дак энтыть... – растерянно развёл руками Асуня. – Дык говорят же ж все-то.

– А ты сам? Что думаешь?

– Я-то?

Вот тут лоб Асуни, казалось, решил перещеголять прошлые достижения и пошёл рёбрами так, что на нём стирать можно было бы. Друзья шли по уже оживляющемуся тракту, мимо ехали телеги, то и дело проносились всадники, неко-

торые приветственно вскидывали руку Каю, а тот вскидывал в ответ.

– Знаешь, чаво, Кай? – заговорил Асуня, когда вдалеке показалось поле, после которого, как он помнил, уже появляться на горизонте крыши города.

– Чего?

– Да вот я-то кумекаю тут всё, кумекаю, да никак скумекать-то не могу.

– М? – ожидающе протянул друг.

– Да ведь выходит-то, что всё ж то мне говорили дружки-то мои бывшие, а мне как-то и на веру бралось-то. А тот же Жорвель мне втолковывал, что-де надуть Ульку за косу хватить да женихаться предложить, штобы, значица, в девках долготь не сидела. А мне как-то оно противно было. А таперича думаю, а мож, оно и остальное також? Ну, кады, вроде ж и правда, да не правда-то на самом деле.

Эльф довольно улыбнулся, не размыкая губ, и поднял лицо к небу, щурясь на лучики солнца.

– Так што ж выходит-то? – попытался заглянуть ему в лицо Асуня. – Энто ж выходит-то, што и верить-то никому нельзя, да?

– Верить нужно сердцу, – умиротворённо сказал Кайлиэль, продолжая смотреть на горизонт. – Оно всегда подскажет. И даже если все в мире хором будут кричать, что Улька – дура, оно будет знать, что это не так.

Асуня остановился и топнул ногой. Лицо раскорячила

сжатая кривая улыбка на дрожащих губах, а в глазах встали слёзы.

– Знать! Усё сердце знает! – выдохнул он срывающимся голосом, всхлипнул, каркнул и хлопнул кулаком себя по груди. – Знать-то!

Обернувшийся Кайлиэль улыбался и щурился сквозь подрагивающие ресницы. Светлые волосы локонами трепетали на ветру, искусные косы лежали на плечах, а прямая спина никак не напоминала сгорбленные и диковатые позы прошлых дружков Асуни.

– Спасибо тебе, друг! – подошёл к эльфу парень и хлопнул его по плечу. Кай просел и опять зашипел. – Ох ты ж боженьки светлая, опять запамятовал! – виновато воскликнул Асуня и отошёл. – Пошли-то дале, тебе к лекарю б всё ж таки, чтоб поглядел-то.

– Да скоро уже, – кивнул спутник, опять поворачиваясь вперёд. – Но всё же, – сказал он, зашагав дальше. – Я бы хотел повторить свой вопрос: с чего ты взял, что тебя прокляли?

– Так этыть... – Асуня упёрся взглядом в лежащую перед ними дорогу и замолчал.

– Ты правда решил, что становишься женщиной?

Асуня в этот раз отвечать не стал, лишь поднял взгляд на друга. На Асунином лице читалась идущая бороной мысль по полю дум. Тяжело шла, с упором, а сжимающиеся кулаки, казалось, толкают её так, что аж спина взмокла.

– Тебе сказали, что мужики пьют и не плачут, но разве это делает тебя кем-то другим?

– Дык... – только и промолвил Асуня, вновь опустил взгляд и поправил пояс на штанах.

– Ты сам-то, что? Меньше мужиком от этого стал? Про причиндалы я твои не говорю, – тут же отмахнулся эльф, видя, что друг потянулся к порткам.

– А про что?

– А про то, что ты второй день со мной идёшь. Не ноешь, что устал, не плачешь, что задница после сучка болит. Сумку тащишь за меня, помогаешь. Даже медведя отогнать смог. Сам. Что, прям бабой стал, да?

И Кай лукаво улыбнулся, искоса глядя из-под приподнятой брови на друга.

С поля, мимо которого они шли, слетела стая ворон, покружилась и села чуть дальше. Пролетевший мимо всадник, направлявшийся в Баталон, вскинул руку не оборачиваясь, и эльф задумчиво поднял свою. Асуня думал.

Впереди маячил лес, а за ним смутно, но уже угадывался силуэт крыш, возвышающихся над городской стеной.

– Этыть... – проговорил Асуня, следуя за другом, но сам смотрел перед собой невидящим взглядом. – Выходит-то, что сам себя обманул-то я, да? И не проклял меня никто, что бабой-то буду?

– Не проклял, – пытаюсь сдержать улыбку, произнёс Кай, но не выдержал и усмехнулся.

– Эх как я!.. – сам засмеялся Асуня. – Сам-то придумал, сам-то поверил, да сам-то себя и проклял, выходит?

Он поднял искрящийся взгляд на друга, но ответ уже не требовался.

– Эх, дурак я! – весело заключил он, поправляя лямку, и зашагал быстрее. – Да ну и ладно-то! Ничаво! Зато энто, от медведя тебя спас! Видал, как оно, да? Видал?

– Видал.

– Во-о-о-от. А вот не проклял бы я б себя, как бы ты сам-то, эх? И суму понести, и огонь разжечь и медведя того самого этыть. Повезло тебе!

И Асуня уже было хотел в очередной раз хлопнуть эльфа по плечу, но вовремя остановился и лишь слегка дружески коснулся спины в светло-зелёной куртке.

– Но с пивом-то тады што? – спросил он чуть погодя. – Что бабою не буду, так то уже понял. А с пива-то чаво рыгать начал? Не проклятье ж то разве?

Кайлиэль остановился, оглядел друга, а затем снял с пояса флягу, откупорил и протянул Асуне. Тот осторожно взял, с опаской понюхал, чуть скривился, но всё же сделал маленький глоток на пробу.

– Ну и гадь гадская! – произнёс он с радостью, возвращая вино.

– Не блюёшь?

– Не блюю! – гордо подтвердил Асуня.

– Не прокляли тебя, друг, – улыбнулся эльф. – Это не про-

клятье было, а дар богов. Иногда случается, что повезёт, и кто-то из них отметит – даст шанс. Тебе повезло. И сейчас всё зависит от того, как ты этим шансом воспользуешься. С алкоголя воротить больше не будет, но ты сам должен решить, чего хочешь: вернуться и приняться за старое, чтобы дружки опять зауважали, собака начала бояться, Улька глаза прятать и вздыхать, когда из дома вырвется от пьющего папашки да на тебя пьяного наткнётся. Или перестать слушать других и начать слушать сердце. Ты ведь понял уже, что мужиком тебя не пьянки да драки делают, да? Вот и решай, кем теперь станешь, раз боги подарили шанс.

Асуня кивал и шёл. Пожалуй, никогда в жизни он не думал так много, как за последние сутки, но в то же время, хоть и скрипело в голове уже всё, да ощущалось ему, что никогда раньше не жил он так много сразу за один день-то. Будто раньше всё сон был, а только сейчас он проснулся и живёт.

– А бабка Идалья-то радуется, что пить перестал-то, – сказал он задумчиво. – Я ить и не скумекал-то сразу, кады она говорить начала про то, што жаних я таперича, а ноначе понимаю, что, эть, верно-то. У нас мужики-то усе вповалку боле валяются, кады самогону да пиву наварють наши местные-то варильщики. А бабам работы сколько. Доделывают усё сами, молчат да терплють. А я-то, коли пить не буду, я ж-то скока вон работы-то смогу сделать? И избу поставлю Ульке, и хозяйство вести буду, колодец выкопаю, штоб не ходила по воду аж до речки.

– Угу, – кивал друг, щурясь на солнышко.

День был чудный. В небе летали птицы, щебетали и иногда гадили, но на удачу всё мимо, что заставляло Асуню верить в то, что счастье есть, и оно совсем рядом. Надо только друга до города довести, чтоб к лекарю сходил, а там уж разберётся.

Добро

Перед самыми воротами славного города Баталона раскинулся рынок. Чуть ближе строился караван, а дальше шли прилавки, где орали и торговались народичи. Напротив рынка торчала добротная таверна, где кучковались путники, а у стены, подале от входа, трое пьяниц затеяли вялую драку.

Асуня поморщился, глядя на вязко ругающихся мужиков, что попеременно друг друга пихали скрюченными руками, но не всегда попадали, и отвернулся. Один из караванщиков заметил друзей, улыбнулся и подошёл к Каю.

Крепкий косматый мужик, да держался так же прямо, как и эльф, а глаза ясные и светилось в них что-то, что и у друга Асуня видел. Как когда знаешь чаво-то много очень, да не всё рассказать можешь, потому как времени не хватит всё словами-то поведать.

– Хо-хо! Здравствуй, дружище! – сказал незнакомец, хлопнув Кая по здоровому плечу. – Как практика? Слышал про Гровельскую банду! Твоя работа?

Эльф сначала довольно улыбнулся, но затем бросил быстрый взгляд на Асуню рядом и замотал головой:

– Да нет, кто-то из магов, я-то... Так, мимо шёл.

– Ага... – понимающе улыбнулся косматый. – Ты это, у нас тут в Баталоне колдун объявился без знака, снаряжают отряд. Сходил бы к придворному, отметился. Я чуть позже

подтянусь.

– И чего я решил, что отдохну дома-то? – усмехнулся Кай-лиэль, закатив глаза. – Ты, кстати, тут ребят сейчас курируешь, да?

И эльф обвёл взглядом суетящихся народичей, грузивших товары на телеги, а косматый с готовностью кивнул.

– Да, заканчиваем. Но сам не пойду, с ними молодых пару отрядили. А чего?

– Да вот, – улыбнулся Кай, кивнув на спутника. – Друг мой, Асуня зовут. Мужик крепкий, рукастый. Не пьющий! В помощь самое то! Ему б заработать чутка, а то жениться надумал. Куда ж ему к невесте без гостинцев-то?

Асуня потупился, сквозь жидкую бороду проступил румянец.

– О! Такие нам нужны! Пристроим! – с улыбкой кивнул косматый. – Грузчиком с месяц поработает – устроит свадьбы на всю деревню!

– Вот и прекрасно! – заключил Кай. – Тогда я пошёл. А вы уж тут сами, да?

– Ты чаво, уходишь, что ль? – опешил Асуня, а друг мягко улыбнулся:

– Да думал отдохну, но работа не ждёт.

– А плечо-то как? Тебя ж довести-то надуть, аль чаво?

– Да тут близко уже – дойду, – успокоил эльф. – Так что здесь наши пути расходятся. Но я рад, что встретился с тобой. Боги шутки зря не шутят, так что... Будь счастлив, друг!

И всегда верь своему сердцу. Добро?

– Добро! – с размаху хлопнул парень по протянутой узкой ладони под светло-зелёным рукавом. – И ты, энтыть, не забывай! Коли будешь в краях нашенских, то загладувай. Мы чуть подале, опосля села Луки. Спросишь там бабку Идалью, там всяк укажет. А я уж встречу, накормим, напоим, спать уложим! Так чаво де чё надо – заглдувай, всегда табе рад буду!

Кайлиэль кивнул, сжав крепкую руку Асуни, отпустил и забрал сумку. Косматый махнул ему:

– Давай, бывай. Как с заданием разберёшься, жду в Ордене – потолкуем про... – он тоже глянул на Асуню и закончил: – Про баб.

– Потолкуем, – склонил голову эльф и повернулся, чтобы уйти, но голос друга остановил:

– Эй, Кай?

– Чего?

– Ты энтовоть... Э-э-э-э... Спасиб тебе, чтоль?

И Асуня смущённо ощерился. Друг подошёл и крепко и по-мужски хлопнул его по плечу.

– Тебе спасибо.

– Та за што?

– За то, что встретился, – просто ответил Кайлиэль, подмигнул и ушёл.

Домой

Асуня стоял лицом к кустам и с нежностью смотрел на тугую журчащую струю. Направлял её то влево, то вправо, заливая трепещущие листья и заставляя капельки искриться в лучах встающего солнца. Дорога за месяц почти не поменялась, но всё же ему казалось, что трава стала зеленее, цветы душистее, а новые ботинки, купленные в городе, удобнее старых и разношенных.

Он встряхнулся, завязал штаны и поправил ставший свободнее на сдувшемся брюхе пояс. Дорога, что когда-то занимала два дня на телеге с остановками, привалами да заглядываниями к кумовьям в гости в попутные селенья, сейчас ложилась под ноги резво и бодро, аж припрыгивать хочется. Дыхание не сбивалось, тяжёлая сума с гостинцами казалась невесомой, в голове было пусто и звонко, только звёзды на ярко-голубом небе будто бы сверкают. Вон там Кабанья башка, рядом Всадник, а чуть подале яркая отдельная Эст, что сияла на рассвете особенно сильно. Раньше Асуня не знал этого, а теперь, наслушавшись от караванщиков рассказов, шёл и предвкушал, как Ульке всё это поведает.

Вот придёт-то, рубаху новую наденет да пойдёт к ней и потолкует как надобно. Без всех этих кос на кулак да прочее. По-хорошему да по любви. И будут они сидеть на околице, смотреть на звёзды, и глядишь, и положит-то голову Улька

ему на плечо мужицкое. А его-то он таперича и рад подставить. Чай, мужик, а не пьянь подзаборная.

Заглядевшись на небо да замечтавшись, Асуня споткнулся и угодил новым ботинком в огромную лошадиную кучу. Запахло травой и сладкой гнилью. Он ещё хотел сначала выругаться по привычке, но затем выдохнул, усмехнулся и, глядя на измызанную ногу, с гордостью и умиротворением произнёс:

– Колорит.

Конец

Послесловие от автора:

Эта история относится к вселенной Нелита, по которой пишется цикл «*Скоротать вечность*».

События рассказа не связаны с основным сюжетом и служат скорее приятным бонусом для тех, кому в моей вселенной уютно и хорошо.

Ознакомиться с основным циклом по вселенной можно здесь же, в магазине ЛитРес.

Первый том цикла называется «**Сумасшедший вам-**

пир».

Спасибо, что подарили моим героям чуточку своего времени! И я надеюсь, что в ответ они тоже подарили вам приятные и яркие эмоции.

Авторская группа ВК:

<https://vk.com/DaryaFair>

Авторский Youtube канал:

<https://www.youtube.com/c/DaryaFair>

Тёплого ветра вам и света в сердце!

С любовью, Дарья Фэйр

Обложка и иллюстрация являются художественной работой автора.